

(1865-1939)

Уильям Батлер
Йейтс

Стихотворения

Москва
2015

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5
ИЗО

Перевод с английского *Григория Кружкова, Андрея Сергеева*
Составление, предисловие, комментарии
и эссе *Григория Кружкова*

Серия «Золотая серия поэзии»

Иллюстрация на обложке: © bluebell / Alamy / DIOMEDIA
Оформление *А. Саукова*

Серия «Всемирная библиотека поэзии»
Оформление *А. Саукова*

Йейтс, Уильям Батлер.

ИЗО Стихотворения (Кот и луна) / Уильям Батлер
Йейтс ; [пер. с англ. Г. М. Кружкова, А. Сергеева]. —
Москва : Издательство «Э», 2015. — 416 с.

Уильям Батлер Йейтс (1865–1939) — великий ирландский поэт, принадлежавший одновременно двум культурам, двум литературным традициям — кельтской и английской. В молодости — символист, певец «кельтских сумерек»; в эпоху после Первой мировой войны — «последний романтик», защитник высокого, аристократического искусства, стоявший в стороне модных трендов и политических течений. Многогранность Йейтса поражает — один из главных деятелей Ирландского литературного возрождения, собиратель древних легенд и сказок, участник движения за независимость, талантливый прозаик и критик, драматург и режиссер, основатель Театра Аббатства, мистик, ищущий истину в каббале и картах Таро, тайновидец и мудрец, замкнувшийся в средневековой башне Тур Баллили, — и прежде всего, конечно, замечательный поэт, чей дар не оскудевал до последних дней его жизни.

В книгу вошли стихотворения У. Йейтса из сборников разных лет, пьеса «Графиня Кэтлин», посвященная возлюбленной поэта — Мод Гонн, первая часть поэтико-философского трактата «Per Amica Silentia Lunae» и несколько эссе о поэте.

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5

ISBN 978-5-699-84172-1
(Вс Библ ПНО)
ISBN 978-5-699-83269-9
(ЗСП)

© Г. Кружков, перевод, составление,
предисловие, эссе, комментарии, 2015
© А. Сергеев, перевод. Наследники, 2015
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

МЕЖДУ ДВУМЯ МИРАМИ: ПУТЬ ПОЭТА

Between extremities
Man runs his course.

W.B. Yeats¹

Уильям Йейтс, наряду с Рильке, Фростом и многими другими, входит в число самых важных и влиятельных поэтов XX века. Его иногда называют англо-ирландским поэтом, потому что он писал на английском, то есть на языке, на котором в то время говорило девяносто пять процентов населения Ирландии: коренной ирландский (гэльский) был почти искоренен за столетия ирландского владычества, а сама Ирландия была частью Британской империи. Вот вам имперское зло, которое в данном конкретном случае — как и в ряде других — обернулось благом; оно дало возможность поэту маленькой Ирландии прозвучать на весь мир. Заслуга Йейтса в том и состоит, что он сумел соединить и сплавить две поэтические традиции —

¹ «Путь человека — между двух дорог». — У.Б. Йейтс, «Выбор».

кельтскую и английскую — и первым вывести ирландскую литературу на передовые позиции в Европе. Вторым это сделает Джойс, третьим — Беккет. Между прочим, из этих трех авторов только Джойс не получил Нобелевской премии, но слава его оттого не меньше.

Число монографий о Йейтсе исчисляется сотнями. Все стороны его жизни и творчества, все мыслимые темы, влияния и параллели стали объектом кропотливого изучения исследователей в университетах всех континентов, от Бразилии до Австралии. Приближают ли они нас к тайне поэта? В какой-то мере да — по крайней мере, лучшие из них. Но в целом эта «йейтсовская индустрия» внушает некоторую оторопь. Как писал сам Йейтс в стихотворении «The Scholars» («Знатоки»):

Хрычи, забыв свои грехи,
Плешивцы в сане мудрецов.
Разжевывают нам стихи,
Где бред любви и пыл юнцов,
Ночей бессонных маета
И — безответная мечта.

Йейтс начинал как поэт романтической традиции. В сущности, он принадлежал не только двум культурам, но и двум векам, его жизнь (1865–1939) почти наполовину делится рубежом столетия. Все отмечают, как сильно изменился стиль поэта в поздние годы; рубеж приходится примерно на 1917 год, когда он написал свою самую замечательную работу в прозе, поэтическое кредо и одновременно биографию души, небольшой трактат *Per Amica*

Silentia Lunae — что значит «При благосклонном молчании луны» (название взято из Вергилия).

Не случайно «знатоки» находят все новые темы для своих книг о Йейтсе; он действительно поражает своей многогранностью: поэт, прозаик, критик, драматург, театральный деятель, философ-визионер, мистик и так далее... Тут очень уместно вспомнить притчу о слоне и семи слепых, которые так и не сошлись во мнении, что представляет собой предмет, который они только что ощупали: веревка, тряпка или колонна.

В самом деле, кто такой Йейтс? Поздний пре-рафаэлит, участник декадентского «Клуба рифмачей», друг Оскара Уайльда и ученик Малларме? Талантливый критик, издавший неизвестные рукописи Уильяма Блейка и впервые объяснивший значение его творчества как единого целого? Символист, посвятивший свою жизнь и стихи своей жестокой возлюбленной Мод Гонн, которую он воспел как Прекрасную Елену и Сокровенную Розу? Ирландский националист, разделявший мессианские идеи самых фанатичных своих друзей, духовидцев и революционеров? Многолетний житель Лондона с обширными связями, устраивающий по понедельникам журфиксы в своей холостяцкой квартирке на Уоберн-Плейс? Адепт тайных наук, ученик мадам Блаватской, член розенкрейцерских обществ, каббалист и астролог? Основатель и многолетний директор Ирландского национального театра — Театра Аббатства, имевшего для ирландской культуры не меньшее значение, чем Художественный театр Станиславского для русской? Дра-

матург, соединивший в своих пьесах возвышенную поэзию и японский театр Но? Автор книги *A Vision* («Видение»), продиктованной духами и претендовавшей на то, чтобы объяснить путь души и ход мировой истории — от Рождества Христа до наших дней и дальше? Удалившийся от мира поэт-мудрец, замкнувшийся в своей средневековой башне Тур Баллили? Лауреат Нобелевской премии и сенатор, обитающий в красивом георгианском доме в центре Дублина? Друг и собеседник Эзры Паунда, разделявший с ним любовь к средиземноморской Ривьере? Поэтический старовер, ославленный поколением Элиота как шарлатан и безумец? Великий лирик, рифмовавший старость и ярость, писавший с годами все лучше и сильнее, правивший свое последнее стихотворение «Черная Башня» кривыми буквами на смертном одре?

Кто вы, мистер Элефантус? Неужели эта громада томов на библиотечных полках, как огромный Левиафан, проглотила целиком и без остатка этого когда-то помахивавшего хоботом живого слона, и нам никогда уже не выгрести поэта из-под рухнувшей башни журналов и монографий?

В минуту сомнений лучше всего просто достать с полки книгу и прочесть его стихи — и перед нами предстанет замечательный поэт, который в самом главном никогда не менялся и, как ангелы Сведенборга, был вне возраста: в старости чувствовал себя пылким юношей, а в юности — воображал разбитым старцем. Как вот в этих «Жалобах старика» (1890):

Я укрываюсь от дождя
Под сломанной ветлой,
А был я всюду званый гость
И парень удалой,
Пока пожар моих кудрей
Не сделался золой.

Или «Песне скитальца Энгуса» (1893):

Пуškai я стар, пуškai устал
От косогоров и холмов,
Но, чтоб ее поцеловать,
Я снова мир пройти готов;
И травы мять, и с неба рвать,
Плоды земные разлюбив,
Серебряный налив луны
И солнца золотой налив.

Знаменитый американский критик Гарольд Блум вспоминает, что в эпоху т.н. «высокого модернизма», в 1950-х годах, было принято считать позднего Йейтса несомненным гением, а его раннюю поэзию начисто отвергать как запоздалый романтизм, эстетизм и так далее. «Но Йейтс, хотя он и развивался со временем, никогда не изменял своим поэтическим корням, и ныне, состарившись, я с упоением читаю раннего Йейтса, начинающего поэта, писавшего в духе Блейка, Шелли, Уильяма Морриса и Данте Габриэля Россетти»¹.

Что бы ни говорили русскому читателю эти

¹ Bloom H. Genius. A Mosaic of One Hundred Exemplary Creative Minds. N.Y., 2002. P. 769.

имена, я полагаю, что для нас было бы полезнее сравнение с русскими поэтами — чтобы отчетливей представить характер стихов Йейтса, определить ему место в нашей литературной ойкумене. А переводчику это необходимо еще и для того, чтобы настроить свою лиру, найти стиль, каким должен говорить по-русски великий ирландский поэт.

Так поневоле я сделался «параллелистом» (по выражению В. Набокова), то есть стал подмечать параллели и сходные места у Йейтса и поэтов Серебряного века. Первым искушением было сравнить Йейтса с нашим Александром Блоком. Действительно, между двумя этим поэтами-символистами много схожего. Необычайная музыкальность, чуткость к неярким краскам и смутным переходам, к таинственному сумраку предвечерья и северной ночи, визионерство. Недаром Йейтса называли поэтом «кельтских сумерек». А вот как писал Блок:

Я вышел. Медленно сходили
На землю сумерки зимы...

Или:

Я вышел в ночь — узнать, понять
Далекий шорох, близкий ропот,
Несуществующих принять,
Поверить в мнимый конский топот...

Сравните с зачином «Песни скитальца Энгуса»:

Я вышел в темный лес ночной,
Чтоб лоб горящий остудить...

Сходство интонаций говорит само за себя. Но главное, сходство возлюбленной, она же Муза, у обоих поэтов: Таинственная Роза Йейтса, по сути, то же, что Прекрасная Дама Блока — и реальная женщина, вознесенная на метафизический пьедестал, и воплощенная в женщине Тайна Жизни, Душа Вселенной¹.

Я бы добавил сюда — ощущение жизни как сцены, взгляд в зеркало, склонность к театрализации, достигшая логического завершения в поэтическом театре Блока и Йейтса. Название пьесы «Роза и крест» Блока вовсе не случайно перекликается с розенкрейцерскими увлечениями Йейтса.

Не меньше общего обнаруживается у Йейтса с Вячеславом Ивановым, главным и наиболее авторитетным теоретиком символизма. Между прочим, они были ровесниками — оба родились в 1865 году. Гумилев, посланный во время войны в командировку в Лондон, так и писал Анне Ахматовой: дескать, приглашен сегодня на вечер к Йейтсу — «это их, английский, Вячеслав». Так он его воспринял: поэт-мистик, вождь английских символистов.

Думаю, сыграло роль и оглавление книги Йейтса, изданной в 1913 году специально для Европы, — она продавалась в петербургских книжных лавках. «Роза земная», «Роза мира», «Роза битвы» — эти названия не могли не ассоциироваться у Гумилева с циклом *Rosarium* из «*Cor ardens*» Вяч.

¹ Подробней см. в кн.: *Кружков, Г. У.Б. Йейтс: исследования и переводы*. М., 2008. С. 65–73.

Иванова: «Роза меча», «Роза Преображения», «Роза союза», «Роза возврата» и т.д. Да и слухи о том, что Йейтс покупает башню в графстве Голуэй, могли срезонировать: «Башней» называлась знаменитая квартира Вяч. Иванова в Петербурге, где собирался весь поэтический Петербург.

Добавим сюда т. н. «автоматическое письмо»¹. Посредством него Йейтс при помощи своей жены-медиума общался с духами, собирая материал для книги «Видение»; тем же способом Вяч. Иванов общался с духом своей покойной жены Лидии, которая с того света «передала ему в дар» свою дочь Веру. И спустя некоторое время поэт женился на своей падчерице Вере Шварсолон, веря, что тем самым он мистически соединяется с утраченной подругой. Не правда ли, это отчасти напоминает случай Йейтса, который в 1917 году предложил — в четвертый раз — руку своей неумолимой Мод Гонн, а после ее отказа — ее дочери Изольде?

Короче говоря, Йейтс — плоть от плоти европейской художественной богемы начала XX века, и в его творчестве много параллелей и пересечений с русским символизмом. Поразительно то, что Йейтс умудряется походить не на одного кого-то, а сразу на многих своих русских современников, от Блока до Волошина. А в более поздние годы у него находится много общего с акмеистами и постсимволистами: в особенности с Гумилевым,

¹ То есть «самопроизвольное письмо», когда медиум отключает свою волю и сознание от процесса писания и его рукой движет дух.

Ахматовой и Мандельштамом. Недаром в 1990 году, во время международной конференции славистов, когда зашла речь о неудачных переводах Мандельштама на английский и участники стали гадать, кто бы смог сделать это адекватно, первой кандидатурой был назван У.Б. Йейтс. Потом, подумав, решили, что хорошо бы отрядить ему в помощь Хопкинса и Хаусмана.

Мы, в некотором смысле, богачи. В начале прошлого века в России было, по меньшей мере, двенадцать больших поэтов: Анненский, Вяч. Иванов, Волошин, Блок, Гумилев, Хлебников, Ахматова, Цветаева, Мандельштам, Есенин, Ходасевич, Пастернак. Кто-то добавит еще Брюсова, Андрея Белого, Клюева, кто-то — Маяковского или Георгия Иванова. Но в любом случае наберется добрая дюжина больших имен. А у маленькой Ирландии (пять миллионов населения да территория чуть побольше Московской области) — один Уильям Йейтс: ничего сопоставимого вокруг не видно.

* * *

В 1923 году Йейтсу присуждается Нобелевская премия. Она не вызвала единодушного сочувствия в литературном мире, известность Йейтса в Европе была не очень велика. Многие восприняли ее как жест Нобелевского комитета по отношению к молодой Ирландской республике, недавно обретшей независимость и покончившей наконец с внутренним раздором, вылившимся в гражданскую войну. Как бы то ни было, Йейтс с лихвой отработал свою «нобелевку». Лучшие стихи он написал

не до, а после получения премии: это, прежде всего, его сборники «Башня» (1928) и «Винтовая лестница» (1933). В их названии запечатлена старинная башня Тур Баллили на Западе Ирландии, которую Йейтс купил, подправил и сделал не столько своим летним жилищем, сколько символом своей поэзии, овеществленной метафорой.

В терминах современной генетики, винтовая лестница, заключенная в башню, подобна спирали ДНК, молекуле наследственности, оплодотворяющей тупик человеческого «я» и дающей выход из одиночества в бесконечность жизни. «Образы бесплодия (башня крошится и разрушается на протяжении всего цикла) доминируют в «Башне»; обновление и зачатие (в страстных монологах Безумной Джейн и Тома Сумасшедшего) становятся движущими силами в «Винтовой лестнице», — замечает Джон Антерекер¹.

Но и на «Винтовой лестнице» развитие поэта не остановилось. Стихотворения его последних лет — «Ляпис-лазурь», «Клочок травы», «Водомерка», «Парад-алле» и другие — принадлежат к лучшим стихам Йейтса. Они исполнены подлинно трагического пафоса и того ликования духа на пороге небытия, которое так точно выразил Оден в своей элегии на смерть Йейтса:

Sing of human unsuccess
In a rapture of distress.

¹ *Unterecker John. A Reader's Guide to William Butler Yeats. N. Y., 1983. P. 170.*

В приблизительном переводе: «Воспой крах человеческих стремлений — в восторге отчаянья».

Йейтс писал все лучше, а тем временем его положение в литературе становилось все более двусмысленным. Происходило примерно то же, что в Советской России, где победил позитивизм марксистского толка. Кстати говоря, марксистов было немало и среди молодых английских интеллектуалов. Но главное — изменилось время. Послевоенная реальность в Европе была уже совсем другой, у сердитых молодых людей («потерянное поколение» и идущие за ними) были свои счеты с идеализмом прошлого.

Романтический ренессанс (*revival*) предыдущей эпохи превратился, по выражению Джона Бейли, в романтический пережиток, или просто выживание (*survival*)¹. Поэзия оказалась выброшенной в мир жестокой реальности; ей пришлось учиться грести против течения. Это относится в равной мере и к русским поэтам, писавшим под гнетом партийной идеологии, и к Йейтсу, который создавал свои лучшие стихи в атмосфере постоянно растущей изоляции. Новый поэтический истеблишмент смотрел на него как на некое ископаемое чудовище: ситуация, до странного похожая на положение Ахматовой и Мандельштама, открыто третировавшихся советской критикой как «пережитки прошлого», — хотя именно тогда их творчество и достигло зрелости.

¹ См.: Bailey J. The Romantic Survival. London, 1957.